

Безупречно белая и изящная рука медленно коснулась раны А Ци, перевязанной белой тканью. При лёгком нажатии А Ци почувствовал такую боль, что на лбу выступил холодный пот, но он не посмел даже вздохнуть, лишь краем глаза следил за чёрными сапогами человека перед ним, погружаясь в оцепенение. Всё его тело дрожало, он боялся смерти, боялся до ужаса.

Чунь Жуй, стоявшая за дверью, не ушла, а притаилась, подглядывая через узкую щель. Она видела, как рука её господина коснулась шеи А Ци, движение было медленным и нежным. Чунь Жуй, наблюдая это, подумала, что такие жесты должны быть предназначены для возлюбленного. Её сердце сжалось от страха. Неужели они... Вспомнив шпильку из слоновой кости, которую А Ци говорил, что подарил господину, а также то, что каждый раз, когда она приводила А Ци в комнату Господина Лина, господин всегда просил её уйти...

Чунь Жуй в растерянности удалилась, чувствуя, что совершила огромную ошибку, обидев любовника своего хозяина.

Ань Жун внезапно схватил А Ци за волосы, с жестокостью глядя на него, словно пытаясь проникнуть в его душу. Его губы слегка приоткрылись, и он тихо произнёс:

— Ты специально? Мстишь за то, что я тебя порезал?

Его голос был спокоен, тих, но в нём чувствовалась бесконечная холодность.

А Ци инстинктивно покачал головой, но, потянув за волосы, Ань Жун вызвал острую боль. Рана на шее, только что зажившая, вероятно, снова разошлась. Этот человек был действительно безжалостен.

— Нет... нет, — А Ци с трудом выдавил эти слова, запинаясь. Он боялся.

— Что «нет»? — Ань Жун отпустил его.

— Твою одежду я не трогал.

Глядя на белую ткань на шее А Ци, покрасневшую от крови, Ань Жун на мгновение задумался. Этот человек перед ним был невзрачным, гораздо ниже его ростом, с тёмной кожей. За те годы, что он провёл в Дворе Вечной Весны, Ань Жун знал о его существовании, но не имел с ним никаких контактов. Однако в последние месяцы они сталкивались снова и снова. Что за совпадение.

— Подойди, — Ань Жун указал на деревянный табурет у стола.

А Ци послушно подошёл и сел на табурет.

Ань Жун достал из ящика маленький флакон, нашёл чистую ткань и осторожно снял окровавленную повязку с шеи А Ци. Увидев снова разошедшуюся рану, кровь сочилась из мяса, вызывая ужас. Лицо Ань Жуна оставалось холодным, он посыпал рану лекарственным порошком, затем тщательно перебинтовал её. Его пальцы были мягкими и слегка прохладными, иногда касаясь кожи А Ци, от чего сердце последнего каждый раз учащённо билось. Сидя на табурете, А Ци размышлял, почему он так по-особенному относится к этому человеку. Возможно, он был очарован его редкими проявлениями нежности. Хотя он знал, что это бездонная пропасть, А Ци всё равно бросился в неё без оглядки. Он слишком жаждал любви.

— Я посыпал рану лекарством от порезов. Не мочи её несколько дней.

Его голос был тёплым, как весенний ветер. А Ци погрузился в этот голос, чувствуя головокружение, и только кивнул. Когда головокружение прошло, он почувствовал, что должен что-то сказать. Сглотнув, он с трудом произнёс:

— Если у тебя будут проблемы в будущем, скажи мне. Я постараюсь помочь.

Эти слова звучали как клятва.

А Ци был ничтожным человеком, но отныне, если ему что-то прикажут, даже если это будет луна с неба, он обязательно достанет её для него.

Ань Жун улыбнулся, и А Ци замер, очарованный. Все обиды в его сердце мгновенно рассеялись. Забыв о боли, А Ци понимал, что он бесхарактерный человек.

Вернувшись от Ань Жуна, А Ци словно потерял рассудок, постоянно улыбаясь самому себе и смеясь по полдня. Рука его непроизвольно касалась раны на шее, и он представлял, как руки того человека обвивают его шею, нежные, как нефрит... Эта рана стоила того.

— А Ци, что с тобой сделала Чунь Жуй? — подошла Цю Гуань.

А Ци был счастлив, думая, что всё благодаря этому злодею, но сказал:

— Она не посмеет сделать мне ничего. Она просто бумажный тигр, только и делает, что пугает. Не смотри на то, что она стоит, подбоченившись, и выглядит довольной, на самом деле, когда никого нет, она вянет, как засохший цветок.

Цю Гуань пробормотала:

— Я видела, как ты боялся этого бумажного тигра.

А Ци посмотрел на девушку с улыбкой:

— Я просто не хотел ссориться с женщиной.

Цю Гуань была в недоумении. Неужели А Ци сошёл с ума? Он говорил нормально, но вдруг начал глупо улыбаться. Вздохнув, она перестала обращать на него внимание и ушла подметать.

С тех пор Чунь Жуй словно стала другим человеком, или, по крайней мере, когда видела А Ци, она больше не проявляла прежней надменности, а стала покорной и услужливой, даже ласково называла его «А Ци», от чего у него по коже бежали мурашки.

Однажды, когда А Ци рубил дрова в дровяном сарае, Чунь Жуй неожиданно привела четырёх рабов-черепах, с радостным видом подошла и указала им помочь А Ци рубить дрова, а также поднесла ему чашку чая. А Ци не знал, что она задумала, и не осмелился пить чай — вдруг он отравлен.

— А Ци, отдохни, — её голос был мягким и ласковым.

А Ци, конечно, не стал церемониться, сел на каменные ступени, слушая раздражающий звук рубки дров, особенно рядом с этим злодеем.

— А Ци, ты и наш Господин Лин... — Чунь Жуй закатила глаза, смущённо улыбувшись. — Я всё поняла. Господин тоже человек, иногда ему бывает одиноко...

— Прошлое — это моя вина, А Ци, пожалуйста, не держи на меня зла. Тогда я была слепа, не видела, что ты такой важный человек, А Ци, пожалуйста, не забывай этого.

А Ци слушал, всё больше запутываясь. Что за чушь она несёт? Ничего не понимал.

Но этот растерянный взгляд Чунь Жуй восприняла как нежелание А Ци простить её. Она запаниковала, вдруг А Ци нашепчет что-то своему господину, и она потеряет своё положение, снова став простой служанкой.

Собравшись, Чунь Жуй с улыбкой продолжила:

— А Ци, у меня есть дела, я пойду. Если тебе нужно что-то тяжелое, поручи этим ребятам.

Она указала на рабов-черепак, которых привела.

А Ци не стал утруждать себя разгадыванием её замыслов, но немного отдохнул, и это было приятно. Когда те закончили рубить дрова, он потянулся, медленно подошёл и, притворившись важным, отпустил их.

Примерно через десять дней рана на шее А Ци зажила, но ткань срослась с кожей, и, чтобы снять её, пришлось бы потерпеть боль. А Ци, хотя и был мужчиной, тоже чувствовал боль. Сдерживаясь, он медленно тянул ткань, лоб его покрылся морщинами, и, наконец, он снял её. На месте раны появилась тонкая полоска шрама, слегка выпуклая и довольно заметная.

Сегодня снова приехал господин из дома Лян. Вечером А Ци смотрел на тёмную комнату на втором этаже, его сердце было как высохший колодец, где росли только лианы, и уже не было чистой воды. Это была судьба, судьба А Ци, у него не было способностей; это была и судьба Господина Хуалина, родившегося в этом месте развлечений, но обладающего небесной красотой. А Ци в одиночестве тихо поднялся на второй этаж, где было тихо и спокойно, словно это не часть Двора Вечной Весны, отгороженная от внешнего шума и суеты.

А Ци присел, как делал это каждый день последние две недели, молча наблюдая. Десять дней назад Господин Хуалин был в комнате, свет свечи сквозь бумажное окно отбрасывал его тень. Он читал, играл на цитре... А Ци, как безумный, жаждал всего, что связано с этим человеком. Он чувствовал, что сошёл с ума. Иначе зачем бы он сторожил эту комнату, один, погружаясь в свои мысли.

Из-за угла послышался звук туфель, скользящих по полу, всё ближе и ближе. А Ци так увлёкся своими мыслями, что не заметил, как кто-то подошёл, и теперь было уже поздно прятаться. Он встал и повернулся, чтобы уйти.

— Стой! — Это был голос Чунь Жуй.

<http://bllate.org/book/16237/1459305>